

ЭМ

Р

Эмиль Золя

Радость жизни

«ИП Стрельбицкий»

Золя Э.

Радость жизни / Э. Золя — «ИП Стрельбицкий»,

«Радость жизни» — роман знаменитого на весь мир французского писателя, публициста и общественного деятеля Эмиля Золя (1840–1902). Написанный в 1884 году, роман является двенадцатым томом грандиозной двадцатитомной серии «Ругон-Маккары». Осиротевшая Полина Кеню поселяется у своих родственников — семейства Шанто, живущего в рыбацкой деревушке Бонвиль. Из-за расточительства новых опекунов всё наследство сироты будет в скором времени растрчено. Малышке Кеню предстоит многое пережить на своем жизненном пути. Но при всех бедах и лишениях Полина не перестает радоваться жизни, такой, какова она есть. Эмиль Золя уже при жизни пользовался огромной популярностью среди читателей. Его сочинения переведены на многие языки мира, его великолепными романами зачитываются и по сей день, среди которых — «Деньги», «Его превосходительство Эжен Ругон», «Жерминаль», «Западня» и др.

© Золя Э.

© ИП Стрельбицкий

Содержание

I	5
II	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эмиль Золя Радость жизни

I

Когда часы с кукушкой пробили в столовой шесть, Шанто потерял последнюю надежду. Он с трудом поднялся с кресла у камина, где грел свои скованные подагрой ноги. Уже два часа ждал он жену, которая после пятинедельного отсутствия должна была сегодня привезти из Парижа двоюродную племянницу супругов Шанто, десятилетнюю Полину Кеню, взятую ими на воспитание.

– Ума не приложу, – проговорил Шанто, приоткрыв дверь в кухню. – Боюсь, Вероника, что с ними случилось несчастье!

Служанка, дюжая девица лет тридцати пяти, большерукая и мужеподобная, снимала в эту минуту с огня баранину, явно пережаренную. Грубые щеки девушки побледнели с досады, но она не высказывала своего недовольства.

– Хозяйка осталась в Париже, не иначе, – сухо ответила она. – А все дела, которым конца не видно, – от этого весь дом вверх дном!

– Нет, нет, – возразил Шанто. – Во вчерашней телеграмме сказано, что все формальности с девочкой окончательно улажены... Сегодня утром госпожа Шанто должна была приехать в Кан и остановиться у Давуана. В час отходит поезд, в два он прибывает в Байе, а к трем карета дядюшки Маливуара должна доставить госпожу Шанто в Арроманш, и если даже Маливуар не сразу заложил свой рыдван, она все равно могла приехать сюда около четырех, самое позднее – в половине пятого... От Арроманша до Бонвиля километров десять, не больше.

Кухарка, не сводя глаз с жаркого, слушала все эти расчеты и качала головой. После некоторого колебания Шанто прибавил:

– Сходила бы ты на угол посмотреть, Вероника!

Она взглянула на Шанто и еще больше побледнела от сдерживаемого гнева.

– Это зачем?.. Ведь Лазар уже потащился им навстречу! Чего ради еще и мне грязь месить?

– Видишь ли, – пробормотал Шанто, – я уж и за мальчика беспокоюсь... Его тоже все нет. Что там ему делать, на дороге, целый час?

Вероника замолчала и, сняв с гвоздя старую черную шаль, закутала ею голову и плечи. Когда же хозяин последовал за нею в коридор, она грубо сказала:

– Ступайте уж назад к вашему камину, не то завтра весь день будете выть от боли.

Выйдя на крыльцо, она с силой хлопнула дверью, надела свои сабо и крикнула в пространство:

– Ах ты господи боже мой! Сопливая девчонка, приехать «не успела, а уж всех в доме на ноги подняла!

Шанто успокоился. Он давно привык к выходкам Вероники, которая поступила к ним пятнадцати лет, в год женитьбы своих хозяев. Едва затих стук сабо служанки, Шанто, словно вырвавшийся из-под надзора школьник, поспешил на другой конец коридора и стал у стеклянной двери, откуда открывался вид на море. Здесь этот приземистый, румяный человечек с брюшком на минуту задумался, устремив на небо свои голубые выпуклые глаза; коротко остриженные волосы покрывали его голову, словно белоснежная ермолка. Ему только что исполнилось пятьдесят шесть лет, но частые приступы подагры состарили его раньше вре-

мени. Забыв о своих тревогах и глядя вдаль, он думал о том, как было бы хорошо, если бы маленькой Полине удалось покорить сердце Вероники.

Ну, а он-то чем виноват? Когда парижский нотариус написал, что кузен Кеню, овдовевший за полгода до этого, умер и в завещании назначил Шанто опекуном своей дочери, у него не хватило духу отказаться. Оно, конечно, кузены друг друга почти не знали, семья была рассеяна по разным городам. Отец Шанто основал когда-то в Кане торговое дело – промышленял лесом, который вывозили с севера; сам-то он был южанином и раньше в качестве простого плотника исходил всю Францию вдоль и поперек; а бедняга Кеню после смерти своей матери поселился в Париже, где впоследствии один из его дядюшек передал ему во владение колбасную лавку возле самого рынка. Шанто встречался с кузеном Кеню всего раза два-три, когда болезнь вынуждала его бросать дело и ездить в Париж советоваться со знаменитыми врачами. Тем не менее Шанто и Кеню уважали друг друга. И покойник, возможно, мечтал о том, чтобы его дочка жила в здоровом приморском климате. К тому же ей в наследство достанется колбасная лавка, так что девочка никак не будет в тягость. Словом, г-жа Шанто охотно дала согласие и даже вызвалась заменить мужа, избавив его от утомительной, опасной для него поездки; она одна отправилась в Париж, сама бегала повсюду и хлопотала со свойственной ей энергией; ну, а Шанто только того и надо, чтобы жена была довольна.

Но почему же их обеих все нет и нет? Шанто посмотрел на небо, и прежние его страхи вернулись: западный ветер гнал большие, черные, как сажа, тучи; клочья их тянулись далеко над морем. Надвигалась мартовская буря, когда близко равноденствие и море в часы прилива яростно бьется о берег. Подъем воды только что начался; пока на горизонте виднелась лишь узкая полоска белой пены; широкое и сегодня особенно пустынное взморье со скалами и темными водорослями, голое пространство, покрытое лужами и пестревшее черными пятнами, навевало гнетущую тоску, которую еще усиливали сумеречные тени от бешено мчавшихся туч.

– Может статься, ветер вывернул пролетку в канаву, – пробормотал Шанто.

Его снедало желание видеть, что происходит за стенами дома. Он отворил стеклянную дверь и, как был, в матерчатых туфлях, ступил на посыпанную гравием террасу, с высоты которой он мог оглядеть селение. Редкие дождевые капли, занесенные вихрем, били ему в лицо; яростный ветер развеивал полы его синей суконной куртки. Но Шанто не уходил; стоя без шапки, согнувшись и облокотясь на перила, он старался рассмотреть дорогу, проходившую внизу. Она пролежала между двумя утесами, казавшимися двумя половинами огромной скалы, которую когда-то рассекли топором, отчего и образовалась расщелина, обнажив землю на несколько метров; здесь ютились хижины Бонвиля, – штук двадцать пять – тридцать. Каждый прилив грозил смести их с этой узкой каменистой полоски и разбить о стены ущелья. Слева находилась небольшая пристань – песчаная коса, по которой рыбаки волокли с десятков лодок, подбадривая друг друга криками. В селении едва насчитывалось двести жителей; жили они морем, жили очень плохо, но цепко, с тупым упорством моллюсков держась за свою скалу. Над этими жалкими кровлями, через которые каждую зиму перекатывались волны, виднелись одни утесы; на середине склона, справа от ложбины, где вилась дорога, стояла церковь, а слева – дом Шанто. Все это и составляло Бонвиль.

– Какова погода! – крикнул кто-то.

Подняв глаза, Шанто узнал священника, аббата Ортера, коренастого человека с внешностью крестьянина; его рыжих волос не выбелили даже прожитые им полвека. Аббат развел огород возле церкви, на кладбищенской земле, и сейчас рассматривал всходы салата, зажав между ног полы сутаны, чтобы ее не закинуло вихрем ему на голову. Шанто, стоя против ветра, не мог говорить: слова его не долетели бы до собеседника – и потому только приветственно помахал рукой.

– Правильно делают, что вытаскивают лодки на берег! – кричал ему аббат. – Часам к десяти будет потеха!

И так как порыв ветра в конце концов закинул ему подол сутаны на голову, аббат спрятался за церковью. Шанто обернулся, пригнувшись, чтобы выдержать натиск бури. Лицо его залило дождем. Он окинул взором свой изглоданный морем сад, трехэтажный кирпичный дом в пять окон, ставни которых, хоть и были закреплены, казалось, вот-вот оторвутся. Когда ветер утих, Шанто снова нагнулся и стал глядеть вниз на дорогу; но тут появилась Вероника и всплеснула руками.

– Как! Вы здесь?.. Сейчас же идите обратно, сударь!

Она повела его по коридору, распекая, словно ребенка, пойманного за шалостью. Не угодно ли? Завтра он совсем разболеется, а кому, как не ей, придется ходить за ним?

– Ты что-нибудь видела? – смущенно спросил он.

– Разумеется, ничего! Хозяйка, верно, где-нибудь остановилась и пережидает.

Он не решился сказать ей, что следовало бы поискать хозяйку подальше от дома. Теперь его особенно тревожило отсутствие сына.

– Вся деревня высыпала на улицу, – заговорила она опять. – На этот раз бояться по домам сидеть... Дом, где Кюш живет, еще в сентябре дал трещину, сверху донизу, а Пруан, который ходил сейчас звонить к вечерне, клянется и божится, что завтра от этого дома ничего не останется.

В эту минуту высокий юноша лет девятнадцати, одним прыжком перемахнув через три ступеньки, взбежал на крыльцо. У него был большой лоб, совсем светлые глаза, продолговатое лицо обрамлял темный пушок.

– Слава богу, Лазар вернулся! – с облегчением проговорил Шанто. – Бедный мой мальчик, ты весь мокрый!

Молодой человек повесил в передней свой плащ, насквозь промокший от ливня.

– Ну, как? – спросил отец.

– Да никак! Никто не приехал, – ответил Лазар. – Я дошел до Вершмона, ждал там под навесом у гостиницы, все смотрел на дорогу, которая превратилась в поток грязи. Ни души!.. Я побоялся, что ты станешь беспокоиться, вот и вернулся.

В августе Лазар окончил канский лицей и, получив степень бакалавра, восемь месяцев слонялся без дела, потому что не мог выбрать себе профессию; пристрастился он только к музыке, чем приводил в отчаяние мать. Она уехала крайне недовольная: сын отказался сопровождать ее в Париж, где она надеялась подыскать ему место. Каждый в доме жил по-своему, затаив глухое раздражение, которое усиливалось от необходимости жить семьей.

– Но раз я уже предупредил тебя, – продолжал юноша, – я могу пойти дальше им навстречу до Арроманша.

– Нет, нет! – воскликнул Шанто. – Ночь на дворе. Не может быть, чтобы мама не дала нам знать. Я жду телеграммы... Постой! Как будто подъехал экипаж!

Вероника открыла дверь.

– Это кабриолет доктора Казэнова, – объявила она. – Разве он должен приехать?.. Бог ты мой! Да ведь это хозяйка!

Все поспешили на крыльцо. Большой пес, помесь ньюфаундленда с сенбернаром, спавший в углу передней, выскочил с яростным лаем. Затем, привлеченная шумом, на пороге показалась белая холеная кошечка, но когда она увидела грязь на дворе, по спинке ее пробежала брезгливая дрожь, и кошка чинно уселась на верхней ступеньке крыльца, чтобы наблюдать за происходящим. Из кабриолета с девической легкостью выскочила дама лет пятидесяти. Она была невысокого роста, худощава, черноволоса, без малейшего признака седины; ее приятное лицо несколько портил крупный нос, свидетельствовавший о честолюбивом характере.

Пес одним прыжком очутился возле хозяйки и, положив ей лапы на плечи, пытался лизнуть в лицо. Та рассердилась:

– Убирайся, Матье,пусти меня! Несносный пес! Ну, будет этому конец?

Вслед за собакой с крыльца сбежал Лазар и, переходя двор, крикнул:

– С вами ничего не случилось, мама?

– Нет, нет, – отвечала г-жа Шанто.

– И беспокоились же мы! – проговорил отец, следуя за сыном, несмотря на ветер. – Но что же все-таки произошло?

– О, нас все время преследовала неудача, – отозвалась она. – Во-первых, дорогу так развезло, что от Байе мы ехали часа два. Во-вторых, в Арроманше одна из лошадей Маливуара сломала ногу. Замены у него не было, и я уж боялась, что придется там заночевать... Но доктор нас выручил, любезно предложив свой кабриолет, а Мартен, молодец такой, довез до самого дома.

Старик-инвалид, с деревянной ногой, в прошлом служил во флоте матросом; когда-то морской хирург Казэнов сделал ему операцию, а потом Мартен стал кучером доктора. Сейчас Мартен привязывал лошадь. Г-жа Шанто прервала свой рассказ:

– Мартен, помогите же девочке сойти!

Никто до сих пор о ней не вспомнил. Верх экипажа был опущен, из-под него виднелась только траурная юбка и маленькие руки в черных перчатках, сложенные на коленях. Однако девочка не стала дожидаться, пока кучер ей поможет, и легко спрыгнула сама. Налетевший ветер раздувая ее платье, из-под черного крепа, которым была повязана шляпка, выбились каштановые пряди. Она казалась крупной для своих десяти лет. У нее были пухлые губы, круглое белое личико без румянца, как это бывает у парижских детей, выросших в комнатах при магазине. Все смотрели на нее. Вероника, подошедшая поздороваться с хозяйкой, остановилась поодаль; вид у нее был холодный и ревнивый. Но Матье не последовал ее примеру, он бросился к девочке и стал лизать ее в лицо.

– Не бойся! – сказала г-жа Шанто. – Он не злой.

– Да я и не боюсь, – кротким голосом отвечала Полина. – Я очень люблю собак.

В самом деле, она совершенно спокойно переносила назойливые нежности Матье. Ее омраченное печалью личико осветила улыбка, и девочка чмокнула пса прямо в морду.

– А людей ты не хочешь поцеловать? – спросила г-жа Шанто. – Поди-ка сюда! Вот это твой дядя, раз уж ты меня зовешь тетей... А вот твой кузен, большой сорванец, далеко не такой разумный, как ты!

Девочка не испытывала никакой робости. Она перецеловала всех, для каждого нашла ласковое слово, с изяществом маленькой парижанки, уже знакомой с тонкостями учтивого обхождения.

– Благодарю вас, дядя, что вы берете меня к себе... Вот увидите, кузен, мы с вами будем друзьями.

– До чего ж мила! – в восхищении воскликнул Шанто.

Лазар удивленно смотрел на нее. Он представлял ее совсем маленькой, пугливой и глупенькой девчонкой.

– Да, да, очень мила! – повторила г-жа Шанто. – А если б вы знали, какая она храбрая! Пока мы ехали, ветер дул нам прямо в лицо, а водяная пыль слепила глаза. Верх коляски трещал, словно парус, и я думала, что он вот-вот треснет. А ее это только забавляло, только смешило. Но что же мы здесь стоим, зачем мокнем? Дождь ведь опять пошел!

Она обернулась, ища Веронику. Та стояла в стороне, надутая; увидев это, г-жа Шанто насмешливо проговорила:

– Здравствуй, милая, как поживаешь? Ты потом, наверное, разговоришься, а пока сходи-ка за бутылочкой вина для Мартена... Чемоданы мы не могли захватить с собой. Маливуар привезет их завтра рано утром.

Она вдруг осеклась и в тревоге пошла назад к кабриолету.

– Моя сумка! А я уж испугалась, подумала, не выпала ли она по дороге...

То была большая старая сумка из черной кожи с потертыми краями. Г-жа Шанто ни за что не хотела доверить ее сыну. Наконец все направились к дому; однако новый порыв ветра, от которого перехватывало дыхание, остановил их у самых дверей. Кошка с любопытством наблюдала борьбу людей с ветром. Г-жа Шанто спросила, как вела себя Минуш в ее отсутствие. Кличка эта снова вызвала улыбку на серьезном личике девочки. Она наклонилась и погладила кошку, которая тотчас, задрав хвост, стала тереться об ее подол.

Когда же семья Шанто взошла на крыльцо и оказалась в надежном убежище, в сенях, Матье снова громко залаял, возвещая, что все в сборе.

– Ах, как здесь хорошо! – сказала мать. – Право, я уж думала, что мы никогда не доедем... Да, да, Матье, ты славный пес, но оставь нас в покое! Пожалуйста, Лазар, заставь его замолчать, он меня совсем оглушил.

Но пес не унимался, и вступление хозяев в столовую происходило под этот бурный аккомпанемент. Впереди шла Полина, – новый член семьи, позади шествовал Матье, не переставая лаять, в сопровождении ошетилившейся Минуш, взволнованной этим шумом. Мартен уже успел выпить на кухне залпом два стакана вина и, пожелав всем спокойной ночи, ушел, стуча своей деревянной ногой. Вероника поставила разогреть остывшую баранину. Затем снова появилась в столовой и спросила:

– Можно подавать?

– Еще бы... Уже семь часов! – сказал Шанто. – Придется только подождать, пока господа Шанто и девочка переоденутся.

– Но я не привезла вещей Полины, – заметила г-жа Шанто. – К счастью, мы не промокли насквозь... Сними пальто и шляпу, детка... Да помоги же ей, Вероника! И башмаки сними... У меня есть все, что нужно...

Девочка села, а служанка стала перед нею на колени. Г-жа Шанто вынула из сумки пару войлочных туфель и сама обула девочку. Затем Вероника сняла ботинки с хозяйки. Та снова порылась в своей сумке и достала свои домашние туфли без задников.

– Значит, можно подавать? – еще раз спросила Вероника.

– Сейчас... Полина, пойді на кухню, вымой руки и лицо. Мы умираем с голоду, поэтому чистоту наведем на себя окончательно потом.

Полина явилась к столу первая; тетка все еще стояла над умывальным тазом. Шанто занял свое место у камина в большом кресле, обитом, желтым бархатом. Привычным жестом он растирал себе ноги, боясь нового припадка. Лазар резал хлеб, стоя у стола, на котором уже больше часа ждали четыре прибора. Оба немного смущенно улыбались девочке, не зная, о чем с ней говорить. А она спокойно рассматривала комнату, уставленную ореховой мебелью, буфет, полдюжины стульев, висячую лампу из полированной меди и пять гравюр на фоне темно-коричневых обоев: «Четыре времени года» и вид Везувия; они особенно занимали Полину. Вероятно, покрытые белыми царапинами панели, подделанные под дуб, застарелые жирные пятна на паркете, неопрятный вид этой общей комнаты, где протекала вся жизнь семьи, вызвали в Полине сожаление о покинутой накануне нарядной мраморной колбасной. В глазах девочки мелькнула печаль; казалось, она почувствовала на мгновение, что за бесхитростным уютом новой для нее обстановки таятся скрытые горести. Наконец, внимательно осмотрев старинный барометр в деревянном футляре с позолотой, она остановила взгляд на странном сооружении, которое помещалось в стеклянном ящике, оклеенном по краям узкими полосками голубой бумаги, и занимало всю каминную доску. Можно было

подумать, что это игрушка – миниатюрная модель деревянного моста необычайно сложной конструкции.

– Работа твоего двоюродного деда, – сказал Шанто, радуясь, что нашлась наконец тема для разговора. – Да, отец мой был сначала плотником... Это лучшая его работа, которую я свято храню.

Шанто не стыдился своего происхождения, а его жена терпела громоздкую игрушку на камине, хотя мост этот ее раздражал, постоянно напоминая о том, что она вышла замуж за сына рабочего. Полина уже не слушала дядю; увидев за окном необъятный простор, она перебежала на другой конец комнаты и остановилась у окна; муслиновые занавески на нем были приподняты коленкоровыми подхватами. С самого отъезда из Парижа Полина неотступно думала о море. Она мечтала о нем, в вагоне то и дело спрашивала тетку, не откроется ли море за одним из встречных холмов. Очутившись наконец на морском берегу в Арроманше, она не могла вымолвить ни слова, широко раскрыв глаза и затаив дыхание; а по дороге от Арроманша до Бонвиля она, несмотря на ветер, поминутно высовывалась из коляски и смотрела на море, вдоль которого лежал путь. И вот снова море; здесь оно всегда будет с нею, как будто оно ее собственное. И она не спеша окинула его взглядом, словно вступая в свои владения.

В свинцовом небе сгущалась тьма; вихрь бешено гнал тучи, Во мгле надвигающихся сумерек можно было различить лишь призрачную белизну растущего прилива. Полоса пены все ширилась, похожая на развертываемую белую скатерть, которую набрасывали на отмели, покрытые водорослями; нежный и вкрадчивый, баюкающий прибой заливал утесы, словно лаская их. Но издали доносился нарастающий шум волн, там пенились громадные гребни; мрачная тень легла у подножия утесов над пустынным Бонвилем, притаившимся в наглухо запертых домах. У прибрежных камней валялись покинутые лодки, похожие на огромных рыб, извергнутых морем. Дождь окутывал селение дымкой тумана, и только в одном углу церковь отчетливо выделялась на фоне белесого неба, затянутого тучами.

Полина молчала. Ее сердечко снова тревожно забилося. У нее замерло дыхание, она прерывисто вздохнула, как если бы ей не хватало воздуха.

– Ну, что? Пошире Сены, правда? – спросил Лазар, остановившись за ее спиной.

Он не переставал удивляться этой девчонке. С первой же минуты ее появления большой, нескладный юноша испытывал странную робость.

– О да! – еле слышно ответила она, не оборачиваясь.

Лазар хотел назвать ее на «ты», но удержался.

– Вам страшно?

Она с изумлением посмотрела на него.

– Да нет, почему же? Вода ведь сюда не доберется.

– Ну, этого никто не знает! – сказал он, уступая желанию посмеяться над нею. – Бывает, что волны перекатываются через церковь.

Но Полина расхохоталась. Девочка умела рассуждать, поэтому на шутку ответила звонким, здоровым смехом, – ее, как разумного человека, рассмешила нелепая выдумка. Она первая обратилась к юноше на «ты» и, схватив его за руки, точно собиралась затеять какую-то игру, проговорила:

– Ах, кузен, ты меня считаешь совсем дурочкой! Разве ты бы остался здесь, если бы волны перекатывались через церковь?

Лазар тоже рассмеялся и пожал детские ручки Полины; они стали друзьями. В это время в комнату вошла г-жа Шанто. Ее обрадовал веселый смех, и, вытирая вымытые руки, она сказала:

– Познакомились? Я так и знала, что вы друг с другом поладите.

– Подавать, сударыня? – прервала ее Вероника, показываясь на пороге кухни.

– Да, да... Только сперва зажги лампу – ничего не видно.

Действительно, ночь надвигалась так быстро, что в столовой было совсем темно, ее освещали только красноватые отсветы камина. Пришлось опять отложить ужин. Наконец Вероника опустила висячую лампу. Накрытый стол оказался в ярком кругу света. Все сели. Полина поместилась между дядей и кузеном против тетки. Г-жа Шанто вскоре опять вскочила со свойственной этой художавой пожилой женщине непоседливостью.

– Где моя сумка?... погоди, детка, я сейчас достану тебе твой бокал... Убери стакан, Вероника. Девочка привыкла пить из своего бокала.

Она вынула серебряный бокал, на котором уже образовались вмятины, вытерла его своей салфеткой и поставила перед прибором Полины. Сумку она положила на стуле позади себя. Вероника подала суп с вермишелью, предупредив с недовольной миной, что он слишком долго кипел. Никто не выразил неудовольствия, все были очень голодны. Ложки так и мелькали. Затем кухарка подала вареное мясо. Шанто, большой любитель поесть, едва приотронулся к нему, ожидая жаркого из баранины. Но когда блюдо поставили на стол, все возмутились: баранина жесткая, как подошва, ее нельзя есть!

– Будто я сама не знаю, – спокойно промолвила Вероника. – Она пережарилась, не надо было вам опаздывать!

Тем не менее Полина весело разрезала жаркое на мелкие кусочки и с аппетитом жевала его. А Лазар вообще никогда не замечал, что у него на тарелке, и способен был принять ломтик белого хлеба за курятину. Но Шанто мрачно созерцал поданное ему жаркое.

– Что у вас еще, Вероника?

– Жареный картофель, сударь.

Шанто в отчаянии откинулся на спинку своего кресла.

– Хотите, принесу вареной говядины? – предложила кухарка.

Грустно покачав головой, Шанто отказался. Лучше уж хлеб, чем вареное мясо. Боже, какой обед! В довершение всего из-за непогоды и рыбы не купишь! Г-жа Шанто, евшая очень мало, с состраданием смотрела на мужа.

– Беденький! – вырвалось у нее. – Жаль мне тебя... Я было припасла тебе на завтра подарок; но раз уж ты сегодня вечером остался голодным...

Она открыла свою сумку и достала паштет в горшочке. У Шанто разгорелись глаза. Паштет из гусиной печенки! Запретный плод! Любимое лакомство, строго-настрого запрещенное врачом!

– Но вот что, – продолжала жена, – я разрешаю тебе только одну тартинку с паштетом... Будь осторожен, иначе никогда больше не получишь.

Шанто дрожащими руками схватил горшочек. Ему часто приходилось переносить такое жестокое испытание, – страх перед приступом подагры боролся с желанием вкусно поесть, но жадность почти всегда побеждала. Уж очень вкусно! Лучше он потом потерпит боль.

Вероника видела, как Шанто положил себе большой кусок паштета, и, возвращаясь в кухню, проворчала:

– Хорош, нечего сказать! А уж как потом выть будет!

Слово «выть» звучало естественно в ее устах, она так простодушно его произносила, что хозяева не обижались. Шанто поистине выл, когда у него начинался приступ подагры; все это знали, и никому не приходило в голову делать Веронике выговор за непочтительность.

Под конец обед прошел очень весело. Лазар, подшучивая над отцом, отнял у него горшочек с паштетом. Когда подали десерт – сыр и печенье, – в комнату ворвался Матье, радостно встреченный всеми. До сих пор он дремал где-то под столом, но, почуяв печенье, встрепенулся. Каждый вечер пес появлялся в обеденный час, отряхивался и обходил стол,

умильно заглядывая каждому в глаза. Лазар обычно оказывался щедрее всех. Но сегодня, обходя вторично стол, Матье остановил свои добрые человеческие глаза на Полине, словно угадав в ней верного друга животных и людей. Он доверчиво положил свою огромную голову на колени девочки, глядя на нее в упор кротким и умоляющим взглядом.

– Вот попрошайка! – воскликнула г-жа Шанто. – Пошел, Матье! Ну можно ли быть таким обжорой!

Пес мгновенно проглотил кусочек печенья, протянутый Полиной, и, положив снова голову на детские колени, просил еще, не сводя глаз со своего нового друга. Полина смеялась, целовала собаку; ее потешали висячие уши Матье и черное пятно над левым глазом, резко выделявшееся на его белой шерсти, густой и волнистой. Но тут произошел забавный эпизод: ревнивая Минуш легко вспрыгнула на стол; мурлыча и выгибая спину, она, словно бодливый козленок, все норовила угодить головой в подбородок девочки. Это была ее обычная манера ласкаться. Полина ощутила на своем лице ее холодный нос и острые зубки. Минуш переступала с лапки на лапку, словно пекарь, который месит тесто. Полина была в полном восторге: слева кошка, справа собака! Они от нее не отставали и бессовестно пользовались ее добротой, а она была готова отдать им всю свою долю сладкого.

– Прогони ты их! – сказала тетка. – Они тебе ничего не оставят.

– Ну так что ж, тетя? – искренне отвечала девочка, которая радовалась, даже отдавая последнее.

Обед кончился. Вероника принялась убирать со стола. Увидав пустой стол, пес и кошка, не выразив благодарности, ушли, облизнувшись в последний раз.

Полина подошла к окну, стараясь разглядеть, что делается снаружи. С той самой минуты, когда подали суп, она наблюдала, как за окном темнеет, как постепенно сгущается непроглядная тьма. Теперь перед ней встала непроницаемая стена. Небо, море, селение, даже церковь – все потонуло в кромешном мраке. Не испугавшись шуток кузена, Полина все-таки искала глазами море; ее мучило желание узнать, до какой высоты может подняться вода. Но она слышала только возрастающий гул, и в вое ветра, в шуме ливня ей чудился чей-то пронзительный, мощный голос, который с каждой минутой грозит все яростней. В хаосе мрака не видно было ни проблеска, ни даже белизны пены, только слышался бешеный шторм волн, гонимых бурей из бездны.

– Черт возьми! – проговорил Шанто. – Как быстро поднимается вода! И ведь еще часа два будет прибывать.

– Если бы ветер дул с севера, – прибавил Лазар, – Бонвилю пришлось бы худо. К счастью, ветер с другой стороны.

Полина обернулась и стала слушать; большие глаза ее были полны сострадания и тревоги.

– Ну, мы-то в безопасности, – заметила г-жа Шанто, – а другие пусть разделяются, как знают... У каждого свои горести... Хочешь чашку горячего чая, дитя мое? А потом пойдем спать.

Вероника убрала со стола и накрыла его старой красной скатертью в крупных цветах; здесь проводило вечера семейство Шанто. Каждый занял обычное место. Лазар на минуту вышел и вернулся с чернильницей, пером и целым ворохом нотной бумаги. Он сел у лампы и принялся переписывать ноты. Г-жа Шанто, с самого приезда не спускавшая с сына нежного взгляда, сказала вдруг раздраженным тоном:

– Опять за музыку! Неужели ты не можешь провести с нами хоть этот вечер по случаю моего приезда?

– Мама, я ведь никуда не ухожу, я здесь с тобой! Ты отлично знаешь, что эта работа не мешает мне разговаривать. Ну-ка, попробуй, заговори со мной о чем-нибудь, – я сразу отвечу!

И он упорно продолжал работать, занимая своими бумагами половину стола. Шанто, удобно расположившись в кресле, уронил руки на колени. Мать дремал у камина, а Минуш, одним прыжком оказавшись на столе, принялась умываться лапкой и вылизывать себе шерсть на животе. От висячей лампы веяло уютом, и Полина, смотрившая полузакрытыми улыбающимися глазами на свою новую семью, не могла дольше противиться сну: ее томила усталость, разморило тепло. Так она и заснула, озаряемая мягким светом лампы, уронив голову на скрещенные руки. Тонкие веки, словно шелковая завеса, прикрыли ее глаза. Она дышала легко, равномерно, полуоткрыв детские губы.

– Она не в силах больше сидеть, – проговорила г-жа Шанто, понижая голос. – Надо ее разбудить. Мы ее напоим чаем и уложим спать.

Наступило молчание. Слышались только завывание бури и скрип пера, – это писал Лазар. В доме царила глубокая тишина, привычный, дремотный покой. Каждый вечер одно и то же, на том же месте – жизнь тягучая, как жвачка. Отец и мать долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Наконец Шанто нерешительно спросил:

– Ну, а что в Кане? Хорошим балансом закончит год Давуан?

Она сердито передернула плечами.

– Да, нечего сказать, хорошим! Я ведь и раньше говорила, что тебе лучше не затевать этого дела!

Теперь, когда девочка уснула, можно было свободно беседовать. Они говорили вполголоса и сначала хотели только обменяться новостями. Но, увлекшись, забыли о Полине, и мало-помалу выплыли все семейные неурядицы.

Отец Шанто, бывший плотник, торговал лесом, доставляемым из северных областей Франции; он вел дело со смелостью человека предприимчивого и готового на риск; после его смерти Шанто застал фирму основательно подорванной. Сам он был человек не очень деятельный, осторожный рутинер, а потому удовольствовался тем, что спас положение, восстановив порядок, и зажил прилично на небольшой, но верный доход от дела. В жизни Шанто был только один роман и вскоре закончился браком. Он женился на учительнице, с которой познакомился в доме приятеля. Эжени де Ла Виньер была сиротой, дочерью разорившегося дворянина из Котантена. Выходя замуж за Шанто, она надеялась, что он разделит ее честолюбивые мечты. Но Шанто, получивший лишь неполное образование в пансионе, куда его поместили довольно поздно, боялся всяких широких замыслов. Планам властолюбивой жены препятствовала косность мужа. Когда у них родился сын, г-жа Шанто связала с ним все свои мечты о богатстве, отдала его в лицей и сама каждый вечер следила за его занятиями. И вдруг новое несчастье разбило все ее расчеты. Шанто с сорока лет стал страдать подагрой, и приступы болезни становились до того мучительными, что он заговорил о продаже дела. Для нее это был бесславный жребий: жить где-нибудь в глуши, урезывая себя во всем, не имея возможности впоследствии помочь сыну в начале его карьеры и предоставить ему ренту в двадцать тысяч франков, о которой она для него мечтала.

Тогда она решила по крайней мере сама заняться продажей склада. Дело приносило ежегодно десяток тысяч франков, и семья жила на них довольно широко, так как г-жа Шанто любила устраивать приемы. Теперь она нашла некоего Давуана, который предложил следующую комбинацию: он купит у Шанто лесной склад за сто тысяч франков, но уплатит пока только пятьдесят тысяч; оставляя в его руках остальные пятьдесят тысяч, Шанто станут компаньонами Давуана и будут получать половину чистой прибыли. Давуан казался человеком предприимчивым, можно было надеяться, что, даже не расширяя дела, он сможет ежегодно выплачивать Шанто пять тысяч франков; а проценты с пятидесяти тысяч, вложенных в ценные бумаги, под обеспечение недвижимого имущества, равны трем тысячам; таким образом, ежегодная рента составит восемь тысяч франков. Имея такие доходы, можно терпеливо

ждать, пока сын сделает карьеру и даст родителям возможность сменить свое бесцветное существование на нечто лучшее.

Так и поступили. За два года до этого Шанто по случаю купил у обанкротившегося клиента домик на берегу моря в Бонвиле. Вместо того, чтобы перепродать его, как думала раньше г-жа Шанто, она решила поселиться в Бонвиле и жить там, хотя бы до первых успехов Лазара на жизненном поприще. Отказаться от своих приемов, зарыться в глуши было для г-жи Шанто равносильно самоубийству; но она уже уступила Давуану весь свой дом, и теперь пришлось бы где-нибудь снимать квартиру. Она решила делать сбережения, упорствуя в своем замысле – с триумфом вернуться впоследствии в Кан, когда Лазар обеспечит себе видное положение. Шанто все одобрил. Ну, а его подагре придется привыкать к морю; кроме того, двое из трех врачей, с которыми он советовался, были столь предупредительны, что заявили, будто морской воздух должен благотворно подействовать на общее состояние больного. И в одно майское утро супруги Шанто, оставив четырнадцатилетнего Лазара в лицее, окончательно переселились в Бонвиль.

Со времени этого геройского самоотречения прошло пять лет, а дела шли все хуже. Давуан пустился в крупные спекуляции, постоянно требовал ссуд, подвергал риску прибыль, а в итоге год заканчивался с убытком: В Бонвиле супруги Шанто жили на три тысячи франков в год, еле-еле сводя концы с концами, так что пришлось продать лошадь и Вероника сама должна была ходить за огородом.

– Знаешь, Эжени, – осмелился заметить Шанто, – если меня надули, то отчасти по твоей вине.

Но она уже не признавала за собой никакой ответственности. Ей хотелось забыть, что союз с Давуаном – дело ее рук.

– Как? По моей вине? Разве больна я? Не будь ты болен, мы бы теперь, возможно, стали миллионерами, – сухо ответила она.

Всякий раз, как у жены в раздражении вырывались подобные слова, Шанто опускал голову, смущенный и пристыженный тем, что в его костях гнездится враг семейного благополучия.

– Надо подождать, – пробормотал он. – Давуан твердо рассчитывал на удачу. Если сосна повысится в цене, мы получим целое состояние.

– Ну и что с того? – вмешался Лазар, продолжая переписывать ноты. – Ведь мы и сейчас не голодаем... Напрасно вы волнуетесь. А по мне, так плевать на эти деньги!

Г-жа Шанто снова пожата плечами.

– Ты бы лучше не плевал на них и не тратил времени на пустяки.

Подумать только, она сама научила его играть на рояле! Теперь один вид нотных листов приводил ее в отчаяние. Последняя надежда ее рухнула: сын, которого она мечтала видеть префектом или председателем суда, вздумал сочинять оперы! Теперь он, как и она в свое время, будет бегать по урокам в погоду и в непогоду.

– Вот отчет Давуана за последние три месяца... – снова заговорила г-жа Шанто. – Если дела и дальше так пойдут, к июлю мы будем его должниками.

Она положила свою сумку на стол и, вынув из нее документ, протянула мужу. Тот взял, повертел в руках и, не читая, положил на стол перед женой. Вероника подала чай. Наступило длительное молчание. Чашки оставались пустыми. Минуш, прикорнув возле сахарницы, жмурилась с блаженным видом. Матье, лежа у камина, храпел, как человек. А за окном по-прежнему шумел прилив, и рокот моря могучим басом вторил тихим звукам засыпающего дома.

– Не разбудить ли ее, мама? – спросил Лазар. – Я думаю, ей так неудобно спать.

– Да, да... – прошептала г-жа Шанто, уйдя в свои мысли и не спуская глаз с Полины.

Все трое посмотрели на спящую девочку. Дыхание ее стало еще тише; при свете лампы белое лицо и розовые губы напоминали букет цветов. Только длинные каштановые волосы, растрепавшиеся от ветра, бросали тень на ее нежный лоб. Г-жа Шанто мысленно перенеслась в Париж, перебирая в памяти множество хлопотливых дел, которыми ей недавно пришлось заниматься, и удивляясь тому, что с таким жаром отнеслась к роли опекуниши. Богатая наследница невольно пробудила в ней интерес, хотя безукоризненная честность г-жи Шанто исключала всякие задние мысли насчет вверенного ей состояния.

— Когда! я вошла в эту лавку, — медленно начала она рассказывать, — на девочке было черное платьице; она стала меня обнимать и плакала навзрыд.. — О, лавка отличная, — колбасное дело, кругом мрамор, зеркала, и помещается она как раз напротив рынка... Застала я там еще служанку, — небольшого росточка, краснощекая, здоровая девица; она еще до прихода нотариуса распорядилась опечатать все вещи и преспокойно продолжала отпускать кровяную колбасу и сосиски... Адель мне и рассказала о смерти нашего бедного кузена Кеню. Полгода назад, когда скончалась Лиза — его жена, — Кеню стали мучить сильные приливы крови к голове. Он все хватался за шею, словно галстук хотел с себя сорвать; и вот однажды вечером его нашли без сознания, с посиневшим лицом; он лежал, уткнувшись в банку с салом... Его дядя Градель умер точно так же.

Она замолчала. Снова наступила тишина. На лице спящей Полины мелькнула улыбка, мимолетный отблеск светлого сна.

— Ну, а с доверенностью все улажено? — спросил Шанто.

— О, да... Хорошо, что твой нотариус предусмотрительно оставил место для подписи уполномоченного; я не могла бы заменить тебя, женщины в таких делах не пользуются юридическими правами... Ты знаешь из моего письма, что тотчас по приезде я отправилась к тому парижскому нотариусу, от которого пришла выписка из завещания, где ты назначен опекуном. Он тут же перевел доверенность на имя своего старшего клерка, — он говорил, что это часто делается, — и делу был дан ход... У мирового судьи я предложила включить в семейный совет трех родственников со стороны Лизы: двух молодых кузенов — Октава Муре и Клода Лантье, затем еще одного родственника — Рамбо, который живет в Марселе. С нашей стороны, со стороны Кеню, я выбрала племянников: Моде, Лиардена и Делорма. Как видишь, вполне порядочный семейный совет, и мы сможем сделать все, что пожелаем, для счастья ребенка... На первом заседании они назначили Саккара заместителем опекуна; его мне пришлось выбрать из Лизиной родни.

— Тише!.. Она просыпается... — прервал их Лазар.

В самом деле, Полина широко раскрыла глаза. Не шевелясь, она изумленно смотрела на людей, беседующих за столом, потом, сонно улыбаясь, снова сомкнула веки, уступая непреодолимой усталости; неподвижное лицо девочки покрылось матовой бледностью, напоминающая цветок камелии.

— Саккар, кажется, биржевик? — спросил Шанто.

— Да, — отвечала г-жа Шанто. — Я с ним виделась, разговаривала. Очаровательный человек... У него уйма дел, и он заранее предупредил меня, чтобы мы не очень рассчитывали на его помощь... Понимаешь, мы ведь ни в ком и не нуждаемся. Раз мы берем Полину, то и заботиться о ней будем мы, ведь правда? Я вообще не люблю, когда вмешиваются в мои дела... Ну, со всем прочим скоро было покончено. К счастью, твоя доверенность давала все нужные полномочия. С лавки сняли печати, составили опись имущества, колбасную продали с аукциона. Да еще как выгодно продали! Ее отчаянно добивались два покупателя, потому и удалось получить девяносто тысяч франков наличными! Нотариус еще раньше нашел в столе ценные бумаги на шестьдесят тысяч. Я попросила его купить еще процентных бумаг и на остальные деньги. И вот мы вложили полтораста тысяч франков в надежные ценности. Я привезла их с собою, передав старшему клерку расписки в получении опекунских полномо-

чий и денег, – потому я и просила тебя выслать мне эти документы спешной почтой... Вот! Смотрите! Она снова запустила руку в сумку и извлекла объемистую пачку ценных бумаг, вложенную в картонный переплет от старой приходо-расходной книги колбасного заведения, из которой вырвали исписанные листы. Переплет, оклеенный зеленой мраморной бумагой, был покрыт жирными пятнами. Отец и сын смотрели на все это богатство, свалившееся к ним прямо на стол, накрытый потрепанной скатертью.

– Чай остынет, мама... – сказал Лазар, отложив наконец перо. – Налить?

Он поднялся и стал разливать чай. Мать ничего не отвечала, устремив глаза на бумаги.

– Разумеется, – задумчиво продолжала она, – на последнем семейном совете, созванном по моему настоянию, я просила возместить мне путевые расходы; затем совет постановил выдавать нам ежегодно восемьсот франков на содержание Полины... Мы не так богаты, как она, и не можем заниматься благотворительностью. Никто из нас не думает наживаться на ребенке, но тратить лишнее нам не из чего. Проценты будут причисляться к капиталу, до совершеннолетия Полины он удвоится... Господи! Мы только исполняем свой долг. Воле умерших надо повиноваться. Мы сделали все, что в наших силах. Может быть, судьба и вознаградит нас за наши заботы, в чем мы очень нуждаемся... Бедная девочка была так потрясена, так плакала, расставаясь со служанкой! Я хотела бы, чтобы ей хорошо жилось у нас.

Отец и сын были растроганы.

– Уж я-то наверное не сделаю ей зла! – сказал Шанто.

– Да она прелесть, – прибавил Лазар. – Я уже успел полюбить ее.

Почувыв во сне, что подали чай, Матье встал, отряхнулся, подошел к столу и положил на него морду. Минуш потягивалась и, выгибая спинку, зевала. Затем, окончательно проснувшись, она нагнула голову и принялась обнюхивать сальную папку, в которой находились бумаги. И так как Шанто в эту минуту взглянули на Полину, они заметили, что девочка проснулась и не сводит глаз с бумаг и переплета старой книги, который она узнала.

– Она отлично знает, что это такое! – сказала г-жа Шанто. – Помнишь, детка, я показывала тебе еще в Париже... Это то, что оставили тебе твои бедные папа и мама.

Слезы покатались по щекам девочки. Горе еще давало себя знать, но теперь это был лишь преходящий весенний ливень. Она уже улыбалась сквозь слезы, ее смешила Минуш, которую притягивал запах колбасной; кошка, мурлыча, обнюхивала документы и терлась головой об углы папки.

– Перестань, Минуш! – прикрикнула г-жа Шанто на кошку. – Разве деньгами играют?

Шанто рассмеялся, за ним Лазар. У края стола стоял чрезвычайно взволнованный Матье, пожирая горящими, как угли, глазами бумаги, которые, видимо, считал лакомством, и лаял на Минуш. Вся семья развеселилась. Полина, в восторге от этой сцены, схватила кошку на руки и стала ее гладить и укачивать, точно куклу.

Г-жа Шанто, боясь, что Полина разгуляется и не будет спать, велела ей тотчас пить чай. Затем она позвала Веронику.

– Дай нам свечи... Мы так заболтались, что и забыли про сон. Уже десять часов! А я за обедом чуть не уснула!

Но из кухни донесся мужской голос.

– С кем это ты разговариваешь? – спросила г-жа Шанто Веронику, когда та принесла четыре зажженные свечи.

– С Пруаном... Он пришел сказать хозяину, что там, внизу, неладно. Прилив, как видно, все крушит.

Шанто вынужден был согласиться занять пост бонвильского мэра, а пьяница Пруан, состоявший при аббате Ортере церковным сторожем, одновременно исполнял обязанности письмоводителя в мэрии. В прошлом Пруан служил во флоте, дослужился до небольшого

чина и писал грамотно, не хуже учителя школы. Его позвали в столовую. Пруан вошел, держа в руках свою вязаную шапку; с куртки и сапог у него ручьями стекала вода.

– Ну что, Пруан?

– Да вот, сударь, дом Кюша снесло, оглянуться не успели... Если этак пойдет и дальше, то на очереди дом Гоненов... Мы все там были, – Турмаль, Утлар, я и еще другие, – но что поделаешь с проклятым морем? Так уж суждено, чтобы оно каждый год отхватывало у нас клочок земли.

Наступило молчание. Четыре свечи горели ярким пламенем, слышался шум моря, проклятого моря, которое билось об утесы. В этот час прилив достигал высшей силы, набегавшие валы сотрясали дом. Их равномерные глухие удары казались залпами гигантских орудий, а грохот камней, сбрасываемых прибоем со скал, напоминал непрерывный треск перестрелки. В яростный шум врывался жалобный вой ветра, а ливень порой бушевал еще сильнее, будто осыпал стены свинцовым градом.

– Настоящее светопреставление! – прошептала г-жа Шанто. – Куда же девались Кюши?

– Надо будет кому-нибудь их приютить... – отвечал Пруан. – Пока что они у Гоненов... Если бы вы их только видели! Трехлетний малец вымок до нитки, мать осталась в одной юбчонке, как есть в натуральном виде, с позволения сказать, а отцу, который непременно хотел спасти их скарб, балкой чуть не раскроило череп.

Полина встала из-за стола. Снова подойдя к окну, она слушала разговор серьезно, как взрослая. Лицо ее выражало доброту и горячую, болезненную жалость, детские, пухлые губы дрожали.

– О, тетя! – проговорила она. – Бедные люди!

И взор ее стремился проникнуть в эту черную бездну, где мрак сгустился еще более. Люди чувствовали, что море прорвалось до самого шоссе, оно близко – бурное, разъяренное, но его по-прежнему не было видно; казалось, и поселок и прибрежные скалы – все залито черной волной. Девочка испытывала горькое разочарование: море, казавшееся ей таким прекрасным, яростно бросается на людей!

– Я пойду с вами, Пруан! – воскликнул Лазар. – Почем знать, может быть, и я пригожусь.

– О да, да, кузен! – проговорила Полина. Глаза ее засверкали.

Но Пруан только покачал головой.

– Не стоит утруждать себя, сударь. Вы все равно поможете не больше, чем наши товарищи. Мы-то все там, на месте, и должны, сложа руки, смотреть, как гибнет наше добро. Море будет разорять нас, сколько ему заблагорассудится. А когда оно натешится вволю и перестанет, мы еще ему спасибо скажем... Я хотел только предупредить господина мэра.

Тут Шанто рассердился; его раздражало это драматическое происшествие, оно испортит ему сегодняшнюю ночь, да и завтра доставит немало хлопот.

– Ну можно ли представить себе деревушку, более нелепо расположенную! – воскликнул он. – Вы забрались чуть ли не в самую воду, право! Что же тут удивительного, если море поглощает у вас один дом за другим... Зачем вы сидите в этой дыре? Надо переселяться.

– Куда же? – спросил Пруан, с изумлением слушая его. – Где жили, там и останемся, сударь... Надо же где-нибудь жить.

– И то правда, – подтвердила г-жа Шанто. – Здесь ли, еще где – все равно, от горя не уйдешь... Ну, мы идем спать. Спокойной ночи... Утро вечера мудренее.

Пруан, поклонившись, ушел. Слышно было, как Вероника заперла за ним дверь. Все взяли по подсвечнику, еще раз погладив Матье и Минуш, которые спали вместе на кухне. Лазар забрал свои ноты, а г-жа Шанто несла под мышкой бумаги, вложенные в переплет старой прихода-расходной книги. Она захватила также отчет Давуана, забытый мужем на

столе. Сердце у нее разрывалось, когда она смотрела на эту бумажку; надо ее убрать, пусть хоть не попадается на глаза!

– Мы идем спать, Вероника! – крикнула она. – Надеюсь, ты в такую погоду никуда не пойдешь?

В ответ послышалось только ворчание из кухни, и г-жа Шанто продолжала, понизив голос:

– Что с ней такое? Не грудного же ребенка я привезла, заботы ей немного прибавится.

– Оставь ее в покое, – сказал Шанто. – Знаешь ведь, у нее свои причуды... Ну вот, нас стало четверо! Спокойной ночи!

Шанто спал в нижнем этаже на другом конце коридора. Прежнюю гостиную переделали в спальню. Когда у Шанто обострялась подагра, отсюда удобно было подкатывать его в кресле к столу или вывозить на террасу. Шанто отворил дверь в спальню и на миг остановился. Ноги у него отяжелели; глухая боль свидетельствовала, что близится приступ, о чем накануне давали знать и распухшие суставы. Зачем только ел он гусиный паштет! Сейчас сознание своей вины приводило его в отчаяние.

– Спокойной ночи, – усталым голосом повторил он. – Вы все можете спать... каждую ночь... Спокойной ночи, крошка! Выспись как следует, – в твои годы полагается хорошо спать.

– Спокойной ночи, дядя! – ответила Полина, обнимая его.

Дверь закрылась. Г-жа Шанто пропустила Полину вперед. Лазар следовал за ними.

– Уж я-то сегодня, наверное, буду спать, как убитая! – проговорила г-жа Шанто. – Этот грохот убаюкивает, он меня ничуть не раздражает. В Париже мне даже недоставало такого легкого подрагивания кровати.

Все трое вошли на второй этаж. Полина высоко поднимала подсвечник; ей нравилось, что они идут по лестнице гуськом, держа свечу в руке, а на стенах пляшут тени. На площадке девочка остановилась в нерешительности, не зная, куда идти. Тетка тихонько подтолкнула ее.

– Прямо... Вот комната для гостей, напротив – моя спальня... Войди ко мне на минутку, я кое-что тебе покажу.

Это была комната, обитая желтым кретоном в зеленых разводах, очень просто меблированная: кровать, шкаф, бюро красного дерева. Посреди комнаты стоял круглый столик, под ним – красный шерстяной коврик. Г-жа Шанто со свечой в руках осмотрела все уголки спальни, затем открыла бюро.

– Посмотри! – сказала она.

Выдвинув со вздохом один из маленьких ящичков, она положила туда злополучный отчет Давуана. Затем она освободила другой ящичек, вынула его и вытряхнула сухие крошки, собираясь запереть в него бумаги при девочке, которая глядела на тетку во все глаза.

– Вот видишь, Полина, – проговорила она, – я кладу их сюда, здесь они будут лежать совсем отдельно. Хочешь сама их положить?

Полине вдруг почему-то сделалось стыдно. Она покраснела.

– О, тетя, право, не стоит!

Но г-жа Шанто насильно вложила ей в руки старую папку, и Полине пришлось убрать ее в ящик. Лазар, стоя, освещал свечой бюро.

– Так, – продолжала г-жа Шанто. – Теперь ты все знаешь и можешь быть спокойна, мы скорее умрем с голоду, чем тронем твоё добро... Помни: первый ящик налево. Здесь они будут лежать до тех пор, пока ты не вырастешь и сама не сможешь взять бумаги. М-инуш их тут не съест, правда?

При мысли о том, как Минуш отпирает бюро и пожирает бумаги, девочка громко рассмеялась. От недавнего смущения не осталось и следа; она уже шалила с Лазаром, который,

чтобы ее позабавить, изображал кошку, мяукал и делал вид, будто хочет взломать ящик. Он тоже хохотал от души. Но мать торжественно опустила крышку бюро и твердой рукой дважды повернула ключ.

– Готово, – объявила она. – Лазар, брось дурачиться... А теперь я пойду посмотреть, все ли у вас в порядке.

Все трое снова вышли друг за другом на лестницу. На третьем этаже Полина опять ошиблась дверью и отворила было левую, но тетка крикнула:

– Нет, нет, не сюда!.. Это комната твоего кузена; твоя – напротив.

Полина остановилась, пораженная размерами комнаты Лазара и царившим в ней беспорядком, как на захламленном чердаке: рояль, диван, громадный, заваленный книгами стол; на стенах картины. Наконец Полина растворила вторую дверь и остановилась в восхищении от своей комнаты, хотя она и показалась ей несравненно меньше первой. Обои были сероватого цвета с рисунком из голубых розанов, у стены стояла железная кровать с кисейным пологом, затем туалетный столик, комод и три стула.

– Все на месте, – тихо проговорила г-жа Шанто. – Вода, сахар, полотенца, мыло... Спи спокойно. Вероника спит в соседней комнате. Если будешь бояться, постучи в стенку.

– Да и я здесь близко, – сказал Лазар. – Когда явится привидение, позови меня, я прибегу с большой саблей.

Двери их спален, расположенные друг против друга, оставались открытыми. Полина обвела комнаты взглядом.

– Привидений нет, – весело ответила она, – а сабля нужна только от воров... Спокойной ночи, тетя! Спокойной ночи, кузен!

– Спокойной ночи, моя дорогая... Ты сама разденешься?

– О да, да! Я ведь уже не маленькая. В Париже я все сама делала.

Г-жа Шанто и Лазар поцеловали Полину. Уходя, тетка сказала ей, что она может запереться на ключ. Но девочка уже стояла у окна, ей не терпелось узнать, видно ли отсюда море. Однако дождь хлестал в стекла с такой силой, что она не решилась отворить окно. Было очень темно, но Полине доставляло удовольствие уже одно сознание, что море шумит внизу. Несмотря на то, что она еле держалась на ногах от усталости, она все-таки обошла всю комнату и осмотрела мебель. Мысль, что у нее есть своя, отдельная, запирающаяся изнутри комната, где она может делать все, что хочет, наполняла Полину гордостью; она чувствовала себя взрослой. Сняв платье и оставшись в одной юбочке, она подошла к дверям, собираясь запереть их на ключ. Но вдруг ее охватил страх: а куда она скроется, если увидит кого-нибудь? Она задрожала и снова открыла дверь. Лазар стоял у себя посреди комнаты и смотрел на Полину.

– Что такое? – спросил он. – Тебе что-нибудь нужно? Она густо покраснела, хотела сказать неправду, но природная прямота взяла верх.

– Нет, нет... Я боюсь, видишь ли, когда двери заперты на ключ. Я не запру своей комнаты, хорошо? А если стукну, значит, я хочу, чтобы ты пришел... только непременно ты, а не служанка, слышишь?

Лазар подошел ближе, покоренный обаянием этой девочки, такой искренней и нежной.

– Спокойной ночи! – снова сказал он, раскрывая объятия. Она бросилась ему на шею, обняла худенькими ручками, не смущаясь своей детской наготы.

– Спокойной ночи, кузен!

Через пять минут она храбро потушила свечу и клубочком свернулась в постели, опустив кисейный полог. Усталость долго еще не давала ей заснуть. Сквозь сон она слышала, как Вероника, пройдя к себе, без всякого стеснения передвигала мебель, словно хотела разбудить весь дом. Потом было слышно только, как бушевала буря: упорный дождь барабанил по черепичной крыше, ветер ломился в окна, завывал под дверьми. Около часа еще длилась

эта канонада, каждая новая волна, разбиваясь о берег, глухим и глубоким ударом сотрясала стены. Полине чудилось, будто погруженный в мертвую тишину дом пошел ко дну, словно тонущий корабль. Теперь ее окружал чуть сырой, теплый воздух; смутная мысль, подсказанная состраданием, напомнила ей о бедняках, которых море выгнало из теплой постели. Затем все скрылось во мраке, и, Полина заснула крепким сном.

II

С первой же недели присутствие Полины внесло в дом радость. Ее здоровая уравновешенность и спокойная улыбка смягчали глухое раздражение, в атмосфере которого жили Шанто. Дядя обрел в ней отличную сиделку, тетка была весьма довольна, что с появлением девочки Лазар больше стал бывать дома. Одна только Вероника продолжала ворчать. Казалось, от того, что в ящике бюро лежат неприкосновенные сто пятьдесят тысяч франков, Шанто чувствовали себя богачами. У них появилась новая точка опоры; среди разорения забрезжила надежда, хотя никто не знал точно, в чем она заключается.

На третий день ночью у Шанто начался приступ подагры, приближение которого он предчувствовал. В течение недели у него уже покалывало в суставах, его знобило, малейшее движение внушало ему непреодолимый страх. С вечера он сравнительно спокойно лег спать, но в три часа утра боль возникла з большим пальце левой ноги. Вскоре она перешла в пятку, затем охватила всю щиколотку. До рассвета Шанто тихо стонал, покрываясь испариной под своим одеялом. Он не хотел беспокоить окружающих; его подагра наводила ужас на весь дом, поэтому Шанто терпел до последней возможности и никого не звал, стыдясь, что по собственной неосторожности вызвал приступ, и зная, с какой злобой относятся к его недугу домашние.

Но когда около восьми часов утра Вероника проходила у его двери, Шанто уже не мог удержаться и вскрикнул от невыносимой боли.

– Так! Готово! – проворчала служанка. – Он уже воет.

Она вошла и увидела, что Шанто стонет, катаясь по подушкам.

– Вот хозяйка-то будет довольна! – проговорила Вероника. Лучшего утешения для больного она не могла придумать.

Действительно, когда хозяйку предупредили и она зашла к Шанто, у нее в отчаянии опустились руки.

– Уже! – сказала она. – Не успела я приехать, как началось.

За пятнадцать лет в ее душе накопилась ненависть к мужниной подагре. Она смотрела на его болезнь, как на личного врага, как на злодейку, которая отравила ей жизнь, расстроила карьеру сына, разрушила все ее честолюбивые планы. Не будь подагры, разве стали бы они жить в заброшенной деревушке? И, несмотря на свое доброе от природы сердце, она с содроганием и злобой относилась к приступам болезни, уверяя, что не способна ходить за больным и бессильна помочь.

– Боже мой, как я страдаю! – бормотал несчастный старик. – Сегодня приступ будет еще сильнее, чем в прошлый раз, я чувствую. Уходи отсюда, если тебя это раздражает, только пошли сейчас же за доктором Казэновым.

С этой минуты в доме началась суматоха. Лазар отправился в Арроманш, хотя в семье уже мало уповали на помощь врачей. За пятнадцать лет Шанто перепробовал всевозможные лекарства, но с каждым новым способом лечения болезнь только обострялась. Вначале приступы случались редко и были слабее, но со временем они участились и усилились. На сей раз боль охватила обе ступни и грозила перейти в колено. Врачи уже испробовали на больном три метода лечения. Его жалкое тело превратилось в объект врачебных экспериментов, на нем испытывали действие различных рекламных средств. Сперва врачи прибегали к обильным кровопусканиям, затем без меры стали давать слабительные, теперь его пичкали кольхицином и литием. От потери крови организм еще больше ослабел и подагра из острой мало-помалу перешла в хроническую. Местное лечение оказалось безуспешным, пиявки вызывали анкилоз, опий затягивал приступы, нарывные пластыри оставляли язвы на

теле. Поездки в Висбаден и Карлсбад не возымели никакого действия на больного, а курс лечения в Виши едва не убил его.

– Боже мой, как я страдаю! – повторял Шанто. – Точно собаки грызут мне ногу.

И он метался на постели, пристраивая свою ногу то так, то эдак, в надежде облегчить свои муки. Но приступ не прекращался, боли усиливались, каждое движение заставляло его жалобно стонать. Вскоре стоны превратились в непрерывный рев. Боли не давали больному опомниться, его бросало то в жар, то в холод и томила палящая жажда.

В это время в комнату неслышно вошла Полина. Стоя возле постели, она серьезно, без слез смотрела на дядю. Г-жа Шанто, раздраженная воплями мужа, совершенно растерялась. Вероника хотела было поправить одеяло, тяжесть которого была для больного невыносима, но, едва она коснулась лишь его края, своими грубыми ручищами, Шанто закричал еще громче, умоляя не трогать его. Вероника вызывала у него ужас, он утверждал, что она швыряет его, как узел грязного белья.

– Тогда нечего меня звать, – злобно огрызнулась она, выходя из комнаты. – Если вы гнушаетесь людьми, обходитесь без них!

Полина тихонько приблизилась к постели, детские пальцы легко и ловко отвернули одеяло. Шанто почувствовал минутное облегчение и принял ее услуги.

– Спасибо, крошка... Поправь вон ту складку. В ней, наверное, пятьсот фунтов. О, только не так быстро, я боюсь!

Однако боль возобновилась, стала еще сильнее. Когда г-жа Шанто начала было прибирать в комнате, подняла шторы, поставила чашку на ночной столик, больной рассердился:

– Перестань ходить, прошу тебя, все кругом дрожит... Каждый твой шаг для меня, как удар молота.

Жена даже не пыталась извиниться или успокоить его. Этим всегда кончалось, его оставляли мучиться одного.

– Пойдем, Полина, – только и сказала она. – Ты видишь, дядя не выносит нашего присутствия.

Но Полина осталась. Она ступала так осторожно, что ее ножки едва касались паркета. С этой минуты она не отходила от больного, а тот, кроме нее, никого не пускал к себе в комнату. «Мне бы легкий ветерок вместо сиделки», – говаривал он. А у Полины был дар угадывать и облегчать муки, она предупреждала малейшие желания дяди, оберегала его от слишком резкого света в спальне, подносила ему чашку с овсяным отваром, которую Вероника подавала в дверь. Несчастного старика успокаивало ее присутствие, он умиленно смотрел, как она сидит на стуле возле кровати, не сводя с него своих больших глаз, сияющих состраданием. Он старался развлечься, рассказывая девочке про свои терзания.

– Вот сейчас у меня такое чувство, будто мою ногу режут тупым ножом, отделяют косточку за косточкой, и при этом, честное слово, мне кажется, что ее горячей водой поливают.

Затем характер боли изменялся: точно железное кольцо сжимало ногу, мускулы напрягались, как натянутые струны скрипки, готовые лопнуть. Полина сочувственно слушала; ей, казалось, все было понятно, и она кротко внимала жалобам и крикам дяди, думая только об его выздоровлении. Она радовалась, когда в промежутке между двумя воплями ей удавалось вызвать улыбку на лице Шанто.

Когда наконец приехал доктор Казэнов, он пришел в восторг от Полины и звонко чмокнул в голову маленькую сиделку. Это был мужчина лет пятидесяти четырех, сухой и крепкий. Прослужив тридцать лет флотским врачом, он вышел в отставку и поселился в Арроманше, в доме, доставшемся ему по наследству от дяди. С тех пор, как доктор Казэнов вылечил г-жу Шанто от растяжения связок, он стал другом всей семьи.

– Ну вот, я опять у вас! – сказал он. – Прикатил пожать вам руку. Но вы знаете, что в остальном я могу сделать не больше, чем эта девочка. Дорогой мой, когда у вас наследственная подагра и когда вам перевалило за пятьдесят, надо смириться. К тому же вас окончательно доконали всеми этими снадобьями... Единственное средство – терпение и фланель, вы сами знаете!

Доктор любил выдавать себя за скептика. За тридцать лет практики на глазах у него умерло столько несчастных под всеми широтами и от всяческих болезней, что он составил себе весьма скромное мнение о медицине. Чаще всего он предоставлял жизни самой постоять за себя. Однако он осмотрел распухший палец на ноге, лоснившийся и багровый, затем ощупал колено, куда перекинулось воспаление; на кончике правого уха доктор обнаружил твердый и белый бугорок.

– Доктор, – простонал больной, – неужели вы не облегчите мои страдания?

Лицо Казэнова стало серьезным. Его заинтересовал бугорок на ухе, этот подагрический узел. Новый симптом болезни вернул ему утраченную веру в медицину.

– Бог мой! – пробормотал он. – Попробую прописать щелочь и соли... Болезнь, очевидно, становится хронической.

Затем он рассердился:

– Вы сами тоже виноваты! Не соблюдаете режим, который вам указан... Никакого моциона, вечно в кресле... и держу пари, что вы опять пили вино и ели мясо... Ведь правда? Признайтесь, ели вы что-нибудь возбуждающее?

– О, всего только маленький кусочек паштета, – робко признался Шанто.

Доктор воздел руки, словно призывая в свидетели силы небесные. Он вытащил из карманов своего широкого сюртука несколько склянок и стал готовить микстуру. Местное лечение ограничилось тем, что доктор обложил ногу и колено ватой, а сверху забинтовал клеенкой. Уезжая, доктор дал указания по уходу за больным Полине: каждые два часа ложку микстуры; овсяного отвара, сколько больной пожелает, но главное – строжайшая диета!

– Разве можно удержать его от еды? – сказала г-жа Шанто, провожая доктора.

– Нет, нет, тетя, вот увидите, он будет умником, – осмелев, вставила Полина. – Он будет меня слушаться.

Казэнов с добродушной усмешкой поглядывал на разумное личико Полины. Он опять расцеловал ее в обе щеки.

– Девчурка создана для того, чтобы заботиться о других... – проговорил он, бросив на нее проницательный взгляд, как будто ставил диагноз.

Шанто кричал целую неделю. Едва стала проходить левая нога, как начала болеть правая, и страдания возобновились с удвоенной силой. Весь дом трепетал. Вероника заперлась на кухне, чтобы не слышать криков; даже г-жа Шанто и Лазар иногда уходили из дому, их нервы не выдерживали. Только Полина не покидала комнаты, где ей приходилось бороться с капризами больного, во что бы то ни стало требовавшего себе котлету, вопившего, что он голоден, что доктор Казэнов осел, неспособный его вылечить. Ночью боли становились особенно мучительными. Полина опала часа два-три самое большее. Несмотря на это, она вела себя молодцом; трудно было представить себе более крепкую девочку. Г-жа Шанто почувствовала облегчение и в конце концов приняла помощь ребенка, водворившего в доме покой. Наконец наступило выздоровление. Полина снова была свободна, между ней и Лазаром завязалась тесная дружба.

Сначала они проводили время в просторной комнате Лазара. Он велел сломать перегородку и занял таким образом половину помещения на третьем этаже. В углу за старинными, порванными ширмами скрывалась небольшая железная, кровать. У стены стояли некрашенные деревянные полки с книгами – около тысячи томов, среди них классики и разрозненные томики сочинений, обнаруженные Лазаром на чердаке их дома в Кане и перевезенные в Бон-

виль. У окна помещался старинный нормандский шкаф громадных размеров, заставленный множеством удивительных предметов; тут была коллекция минералов, старые, вышедшие из употребления инструменты, сломанные детские игрушки. В комнате стоял также рояль, над которым висели рапиры и маска для фехтования; кроме огромного круглого стола, имелся еще старинный стол для черчения, очень высокий и до того заваленный бумагами, рисунками, коробками из-под табака, курительными трубками, что на нем негде было писать.

Попав в этот хаос, Полина пришла в восторг. Целый месяц у нее ушел на изучение комнаты, и каждый день она делала новые открытия: вот «Робинзон» с гравюрами, найденный среди книг, вот сломанный паяц, выуженный ею из-под шкафа.

Едва встав с постели, девочка бежала в комнату кузена и располагалась там; она приходила туда и после обеда, – словом, жила в ней. Лазар с первого же дня относился к Полине как к мальчику, младшему братишке, который моложе его на девять лет; и этот маленький товарищ с большими умными глазами был такой веселый, забавный, что Лазар перестал стесняться его, курил трубку, читал, развалился в кресле и положив ноги на стол, писал длинные письма, куда вкладывал цветы. Однако иногда его младший товарищ становился отчаянным озорником. Полина то прыгала на стол, то выскакивала из дыры в ширмах. Однажды утром Лазар обернулся, не слыша ее голоса, и увидел, что она, в маске для фехтования, с рапирой в руке, отвешивает поклоны воображаемому противнику. Если же Лазар покрикивал на нее, призывая к порядку, или грозил выгнать вон, то начиналась дикая возня; оба взапуски бегали, прыгали, опрокидывая мебель. Она кидалась к нему, висла у него на шее, он кружил ее вокруг себя, юбки Полины разлетались по воздуху, и она была похожа на заведенный волчок. Лазар сам становился с нею мальчишкой, и оба заливались беззаботным детским смехом.

Затем они увлеклись игрой на рояле. То был старинный инструмент Эрара, выпуска тысяча восемьсот десятого года, на котором девица Эжени де Ла Диньер пятнадцать лет давала уроки музыки. В его потертom лакированном корпусе из красного дерева струны звучали глуховато, словно отдаленный певучий стон. Лазар не добился от матери нового рояля и во всю мочь барабанил по клавишам старого, тщетно пытаясь извлечь из него романтические созвучия, звеневшие у него в голове; он усвоил привычку дополнять игру пением, чтобы получить желаемый эффект. Страстно увлекаясь музыкой, Лазар вскоре стал злоупотреблять терпением Полины. Он нашел в ней постоянную слушательницу и в послеобеденные часы исполнял перед кузиной весь свой репертуар – самые сложные вещи, какие только существовали в музыке того времени, особенно произведения Берлиоза и Вагнера, еще не нашедшие себе признания. Сначала Лазар напевал сквозь зубы, затем во весь голос, помогая работе пальцев. Полине было очень скучно, но она терпеливо слушала, боясь огорчить кузена.

Сумерки часто заставляли их за роялем. Лазар, опьяненный музыкой, делился с нею своими грандиозными замыслами: он тоже будет гениальным музыкантом, что бы ни говорила мать и все другие. Еще в канском лицее преподаватель музыки был поражен его музыкальным дарованием и пророчил ему славу. Лазар тайком изучил композицию, а теперь работал самостоятельно, задумал симфоническую поэму «Земной рай». У него даже был готовый отрывок – «Адам и Ева, изгнанные из рая херувимом», торжественно-скорбный марш, который он как-то вечером согласился сыграть Полине. Девочка его одобрила, музыка ей очень понравилась. Однако она спорила с Лазаром, говоря, что сочинять красивую музыку, разумеется, приятно, но не умнее ли послушаться родителей и стать префектом или судьей? Разлад между матерью и сыном огорчал всю семью. Сын говорил о поездке в Париж и о поступлении в консерваторию, мать требовала, чтобы он до октября выбрал себе какую-нибудь профессию, подобающую молодому человеку из хорошей семьи. Полина поддерживала тетку и со свойственным ей спокойствием заявила однажды, что берется уговорить кузена. Все над

этим посмеялись, а Лазар в негодовании шумно захлопнул крышку рояля, назвав Полину «пошлой мешанкой».

Они были в ссоре три дня, затем помирились, и, чтобы расположить девочку к музыке, Лазар вздумал учить ее играть. Он ставил ей руку, часами заставлял разучивать гаммы. Но его возмущала ее неспособность увлечься музыкой. Полина во время игры непрерывно шалила, она забавлялась, пуская бегать по клавишам Минуш, лапки которой извлекали дикие звуки; девочка уверяла, будто кошка исполняет пресловутую сцену изгнания из «Земного рая», чем ей удавалось рассмешить даже самого композитора. Тогда снова начиналась дикая потеха, Полина висла у Лазара за шее, он кружил ее по комнате, Минуш тоже принимала участие в игре, прыгая со стола на шкаф. Матье же к игре не допускался, – уж очень бурно он проявлял свой восторг.

Однажды Лазар, разозлившись, напустился, как обычно, на Полину:

– Убирайся от меня, пошлая мешанка! Пусть мама обучает тебя музыке, если хочет!

– Да твоя музыка ни на что не нужна! – напрямик отрезала Полина. – На твоём месте я бы стала доктором.

Лазар посмотрел на нее негодующим взглядом. Доктором! Вот новость! С чего это взбрело ей в голову? Он был так увлечен, с таким пылом предавался своей страсти, что, казалось, она должна была сокрушить все преграды.

– Помни, – вскричал он, – если мне помешают стать музыкантом, я покончу с собой!

Лето ускорило выздоровление Шанто. Полина была теперь свободна и могла гулять вместе с Лазаром. Большая его комната пустовала, теперь друзья резвились на просторе. В первые дни они довольствовались террасой, обсаженной чахлыми кустами тамариска, загубленными морским ветром. Вскоре, однако, они захватили в свое владение весь двор, оборвали цепь у колодца, распугали десяток тощих кур, питавшихся кузнечиками, вздумали играть в прятки на конюшне и в пустом каретном сарае, где от их беготни обваливалась штукатурка. Затем они перебрались в огород – сухой клочок земли, который Вероника мотыжила по-крестьянски; четыре грядки, засеянные безвкусными, толстокожими овощами, были обсажены грушевыми деревьями с искалеченными обрубками вместо ветвей и стволами, согнувшимися под напором все того же северо-западного ветра. Отсюда через небольшую калитку Лазар и Полина вышли однажды прямо на скалы; над ними было открытое небо, в глаза смотрел морской простор. Полину по-прежнему тянуло к этой беспредельной водной глади, теперь, в лучах июльского солнца, такой прозрачной и мирной. Это было то самое море, которое глядело в окна их дома. Но до сих пор Полина еще не приближалась к нему. Новый мир предстал перед ней с той минуты, как она вместе с Лазаром очутилась на уединенном взморье, в его кипящей жизнью тишине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.